

М. О. Мухудадаев (СПбГУ)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

1. Образование в социальных дисциплинах очень часто характеризуют как относительно самостоятельную систему, функцией которой является систематическое обучение и воспитание членов общества, ориентированное на овладение определенным знанием, идейно-нравственными ценностями, умениями, навыками, нормами поведения, обусловленными социально-экономическим и политическим строем общества, уровнем его материально-технического развития. Распространена также его характеристика в виде совокупности систематизированных знаний и умений, приобретенных индивидом самостоятельно или в процессе обучения в соответствующих заведениях. Существуют и иные трактовки образования, среди которых значительным представляется анализ М. Хайдеггера, в рамках разбора учения Платона об истине.

Притча Платона о пещере повествует историю переходов людей из одного местопребывания в другое в той последовательности, которая

состоит из своеобразного сочетания нескольких разных местопребываний в восходящей и нисходящей градации.

На первой ступени люди живут прикованными в пещере, в плену всего того, что их непосредственно окружает. Пещера является образом повседневного, обыденного пребывания индивидов. Названные Платоном в притче вещи, находящиеся за пределами пещеры, – это образ и олицетворение сущего всего существующего. Огонь в пещере является образом для солнца. Своды пещеры обозначают небесный свод. Индивиды живут под этими сводами. В мерцании искусственного огня вещи таятся за своими тенями. Поэтому подлинная реальность скрывается за мнимым положением дел.

На второй ступени оковы снимаются, хотя и медленно. Люди лишь в известных пределах (внешне) становятся свободными, ибо они все еще заперты в пещере. Тем не менее вещи в мерцании огня пещеры постепенно начинают преподносить свой вид. Люди начинают подходить «в несколько большую близость к сущему». Снятие оков приносит лишь освобождение, «отпущенность», которая не есть еще настоящая свобода.

Свобода, согласно трактовке М. Хайдеггером платоновской притчи, начинает достигаться только на третьей ступени. Освобождение людей от цепей дает возможность переходить за пределы пещеры. На воле вещи являются уже не только в искусственном, но и в естественном свете. Хотя вещи здесь начинают выступать в «связности» и «обязательности» собственного вида, в своем самопоказывании они становятся открытыми и впервые непотаенными.

Переход из пещеры в дневной свет и обращение человеческого глаза обратно в пещеру требуют привыкания «к утверждению взора» от темноты к свету и обратно. И когда подобное привыкание свершится в своем «постоянстве обращения», начинается четвертая ступень. Приходит настоящее освобождение именно тогда, когда вещи становятся «непотаеннейшими». Непотаеннейшее – это то, что «является во всем являющемся и делает являющееся открытым».

Данный переход есть выражение в символической форме всех тех перемен, которые заложены в сущности индивида (человека разумного). «Самовыражение чуждости» постепенно приучает людей к деятельности, заставляет образовываться их, позволяет им доходить до истины. Постоянное обращение человека к способам «приучающего перенесения его из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается, в другую область, где является сущее само по себе», по утверждению М. Хайдеггера, называется пайдейей. Пайдейя означает руководство к изменению всего человека в его существе. Притча о пещере заканчивается описанием спуска освобожденных людей обратно в пещеру. Это показывает, что пайдейя означает переход к самой себе из апайдеусии. Пайдейя навсегда остается соотнесенной с апайдеусией, т.е. включает в собственное опре-

деление свою противоположность. Хайдеггер пытается обосновать, что по смыслу и содержанию ближе всего к пайдеей подходит понятие образования. Так как аналогом апайдевсии является необразованность, образование есть постоянный переход к себе от необразованности. Подлинное образование состоит не в том, «чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями», а в том, «чтобы перемещать человека в «место его существа». Выступая против того «лжетолкования» образования, которое, по мысли М. Хайдеггера, распространилось в конце XIX столетия, немецкий философ отмечает, что оно, во-первых, есть образовывание в смысле развертывающего формирования. С другой стороны, оно «образует», формирует, исходя все время из предвосхищающего соразмерения с неким определяющим видом, который зовется про-образом. «Образование» есть вместе и формирование, и руководство определенным образом.

2. Хайдеггеровский акцент на том, что в образовании выставлен определяющий прообраз и развертывается основополагающая установка на постоянное познание окружающей действительности, создает возможность и почву для философского дискурса сущности образования, который, к сожалению, не в полной мере поддержан социально-гуманитарными науками. Полифункциональная трактовка содержания категории образования в них не способствует адекватному и общественной роли обучения.

3. В известной мере это объясняется и тем, что при исследовании образования осуществляется подмена его общественной сущности функциональной трактовкой в условиях социально дифференцированного общества. Например, структурно-функциональный подход своей основной акцент делает на следующих социальных функциях образования: во-первых, накопление и передача от одного поколения к другому поколению различных комплексов ценностей, норм, культурных моделей, символов, или, иными словами, накопленного; во-вторых, социализация индивида (усвоение формирующейся личностью господствующих в обществе ценностных ориентации и установок, выработка личностью определенной жизненной позиции в процессе ее обучения и просвещения); в-третьих, профессиональный отбор (т.е. ориентация и подготовка, дифференциация и отбор молодежи в соответствии с индивидуальными потребностями и интересами, запросами и возможностями); в-четвертых, социальная селекция (образование выступает «средством перевода социального положения человека при его рождении в достигнутый статус взрослого» и является важнейшим каналом социальной мобильности, позволяя не только передавать социальный статус от поколения к поколению, но и в то же время изменять его); в-пятых, социокультурное преобразование общества.

4. Признание социальной селекции в качестве функции образования подчеркивает узаконенный характер существующей в обществе системы социального неравенства. Причем реальный опыт функционирования образовательных систем позволяет сделать вывод, что не только частное образование приводит к социальной стратификации, но и сами по себе образовательные учреждения не в состоянии сдерживать расслоение общества¹. Больше того, констатируется, что, отнюдь не являясь «эгалитарными» и «реформаторскими», школы связаны с «неравенством» и «подавлением». Поэтому в Англии периодически возникают предложения правительства дестимулировать частные школы², а Верховный суд Калифорнии в 1971 году постановил, что «право на образование в государственной школе – основополагающий момент, который не может зависеть от благосостояния»³.

П. Бурдьё в своей теории классового воспроизводства, в которой центральная роль отводилась образованию, институционализированную систему социального господства, утверждения культурного и социального неравенства в обществе анализирует в терминах символического подавления и насилия, культурного капитала и культурного дефицита. Дети представителей среднего класса получают выгоду от социального положения своих родителей (культурный капитал), тогда как дети рабочих ощущают лишь культурный дефицит. Этот культурный дефицит свидетельствует не о том, что культура рабочего класса является сама по себе низшей в сравнении с культурой среднего класса, а о том, что она не академична.

В соответствии с существующими образовательными процедурами укоренившаяся экзаменационная система обладает признаками ритуала, некоей особой церемонии, в которой академичность культурного капитала среднего класса легитимируется, а культура рабочего класса воспроизводится как культурный дефицит. Поэтому вся экзаменационная система и другие существующие образовательные процедуры имеют форму символического насилия, в которой власть поддерживается не грубой физической силой, а превосходством в средствах и способах общения, особенно в языке и этого общения. Символическое насилие над культурой и чувством достоинства рабочего класса и в дальнейшем воспроизводится, в том числе с помощью социально приобретенной представителями среднего класса способностью манипулировать языком и использовать его в различных формах письма и литературы, в логике и красноречии, что является таким же орудием в классовой борьбе, как и экономическая власть⁴.

¹ *Стиглиц Дж. Ю.* Экономика государственного сектора. М., 1997. С. 358.

² Там же. С. 358.

³ Там же. С. 356-357.

⁴ *Bourdieu P., Passeron J.-Cl.* La reproduction. Elements pour une theorie du systeme d enseignement. Paris, 1970.

В этих условиях некоторые социологи, полагая, что образование не может отменить неравенство в обществе, специально предлагают использовать раннее изучение языка средним классом для того, чтобы усилить представление о культурном превосходстве его над рабочим классом⁵.

Классовая подоплека подобных педагогических новаций очевидна и часто фиксируется эмпирически: «Исследования 70-х годов установили, что “количество детей рабочих, поступающих в университет, за 50 лет не изменилось и что гораздо меньше детей рабочих учится в классических школах и в выпускных классах или продолжает учиться после окончания школы. Объяснялось это разным характером детей, их воспитанием и средой, системой отбора и основополагающими принципами, на основе которых учителя в школе осуществляли этот отбор. Но кто бы ни был “виноват”: дом, или школа, или другие причины, – факты были налицо. Считалось, что школы отражали и усиливали различия общественной жизни”»⁶.

Л. Альтюссер также полагал, что система образования в значительной степени определяется потребностями капиталистического производства. Школы, в его представлении, являются учреждениями, институтами среднего класса, которыми руководят люди из среднего класса (учителя), где ученикам тоже из среднего класса изначально предоставляется возможность добиться успеха. Что же касается рабочих, то они должны быть соответствующим образом «социализированы», чтобы занять то место в классовой иерархии общества, к которому они, собственно, и принадлежат⁷.

Среди исследователей все чаще и чаще складывается мнение, что скрытая социальная цель образования заключается в том, чтобы подготовить детей к утомительной работе, что система образования подчинена экономической системе⁸.

В Соединенных Штатах Америки все более и более зреет убеждение, что система образования в капиталистическом обществе существует для создания рабочей силы, как в смысле необходимых качеств и умений, так и в смысле позиций и ценностей, поддерживающих капиталистическую систему⁹. Это широко распространенное мнение резюмируется примерно следующим образом: «При капитализме не требуется от каждого реализовывать свои знания или становиться высококвалифицированным и интеллектуально требовательным; на самом деле любой из этих признаков “успеха в образовании” бросил бы серьезный вы-

⁵ Там же. С. 241.

⁶ Томпсон Дж.Л., Пристли Дж. Социология. М.; Львов, 1998. С. 227-228.

⁷ Там же. С. 231.

⁸ Там же. С. 221.

⁹ Там же. С. 245.

зов распределению занятости, прибыли и власти в капиталистическом обществе; люди должны быть образованны достаточно, чтобы стать обязательными работниками, гражданами и потребителями, но недостаточно, чтобы понять господствующую экономическую и социальную систему или начать бороться с ней»¹⁰.

В условиях капиталистических отношений в образовании осуществляется несправедливое распределение ресурсов, которые необходимы для обеспечения общественной образовательной деятельности. Так, по свидетельству Дж.Л. Томпсон и Дж. Пристли, доказано, что общественные классы в разных районах городов и в различных частях одной и той же страны получают неодинаковые ресурсы¹¹. Это выражается во многих показателях: в возрасте учащихся и в уровне школ, в суммах, потраченных на школьное оборудование и материалы, в соотношении преподавателей и учеников, в создании дошкольных классов в детских садах, в пособиях на образование и т.д. Классовая подоплека подобного распределения образования достаточно очевидна¹² и сводится к тому, что школы в известной степени моделируют общественное разделение труда, причем таким образом, чтобы отношения обучения и образования воспроизводили господствующие отношения капиталистического производства и классового неравенства.

5. Данное моделирование общественного разделения труда в условиях образовательных учреждений закрепляется и дидактически. Французские ученые К. Бордо и Р. Эстабель в свое время приводили, например, образцы противоречащих друг другу дидактических «жанров», вышедших из под пера одного и того же автора о правлении Людовика XIV. Один вариант для представителей среднего и высшего класса представляет собой содержательное и диалектическое описание, заставляющее размышлять, а другой – для представителей низшего класса – «примитивный с дешевой моралью, во многих утверждениях противоречащий первому варианту». В этих условиях образование неизбежно развивается в условиях комплекса противоречий между своей общественной сущностью и осуществляемыми социальными функциями классового назначения. Поэтому есть все основания утверждать о политической подоплеке функционирования образования.

6. Только тонкий учет этих обстоятельств позволит превратить политику в сфере образования в один из главных и приоритетных направлений всей социальной политики Российского государства, обеспечить привлечение тех неисчерпаемых ресурсов, которые дают возможность расширенного воспроизводства нашего общества.

¹⁰ Там же. С. 246.

¹¹ Приводится по: *Томпсон Дж. Л., Пристли Дж.* Социология. С. 243-244.

¹² Там же. С. 244.

Важнейшей задачей политики в сфере образования является анализ и использование всех наличных материальных средств, интеллектуальных усилий и организационных усилий, направленных на обеспечение высокого социального качества общественного развития. Поэтому в разработке ключевых моментов этой политики необходимо прежде всего соотнести общественное назначение образования с политическими инструментами, экономическими средствами и организационными ресурсами его реализации. В свою очередь, это позволит наметить и реализовать систему общественных мероприятий и государственных программ на разрешение назревших проблем образования. Важно как обосновать моменты и звенья, циклы и дифференцированные направления, средства и рычаги самой социальной политики в сфере образования, так и всесторонне согласовать их с политическим, экономическим и социальным измерениями всего модуса общественного воспроизводства.